

Андрей ПУЧКОВ

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ КАК УТРАТА Предварительные заметки

Placet experiri

(Стяжание опыта приятно)

Исходная странность в том, вопреки Н. О. Лосскому, что призрак опыта всегда выше непосредственного призрака знания. Он — памятник самому себе, но всегда на несколько голов выше зрителя. Понятие опыта это попытка понятия и само понятие, рождающееся опытом с самим опытом. Причем это понятие выстраивается в идею самого себя как явление, детерминированное актом бытия и потребностью сознания.

«Если мир не-я переживается в опыте не только через его действия на субъект, а и сам по себе, в своей собственной внутренней сущности, то это значит, что опыт заключает в себе также и нечувственные элементы и что связи между вещами (функциональные зависимости) даны в опыте. Противоречие между нечувственным и опытным знанием оказывается предрассудком: сверхчувственное не есть сверхопытное» [1]. Попробуем посмотреть, каким же образом «связи между вещами», данные в опыте, изменяются под действием эстетических обстоятельств, приводящих к ощущениям. Вестимо, согласно Дж. Локку, этому «материалистическому сенсуалисту», что чувственный опыт есть источник знаний о материальном мире и чувственное знание оказывается неотъемлемым элементом, если не основанием, опыта. «Откуда получает он <ум> весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из опыта. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит» [2]. Лосский, конечно, двинулся дальше: «Процесс знания содер-

жит в себе не только природу познающего субъекта, но и природу самих познаваемых вещей, так как я и транссубъективный мир не обособлены друг от друга, а равноправно координированы друг другу в процессе знания; следовательно, содержащая содержание какой-либо вещи транссубъективного мира как необходимое, познающий субъект следует не необходимой природе своего разума, а необходимой природе самой познаваемой вещи, или, точнее говоря, акт суждения оказывается необходимым в своем объективном содержании не потому, что познающий субъект не может отделаться от своей природы, а потому, что сама познаваемая вещь, наличная в суждении, не может отделаться от своей природы» [3].

Эти и подобные рассуждения, конечно, из учения об онтологии опыта, из учения о том, как жупела бытия становятся опытом легитимным и злоецим. Гораздо интересней проблема, как опыт может быть дан именно в качестве наличного, «моего опыта»; не является ли феномен эстетического опыта не только некоторым логически ценным приобретением языка, дрессировкой рефлексивной способности человека, но также и утратой, забвением (и как опыт утраты, и как опыт забвения) некоего непосредственного прозрения в сущность наблюдаемых художественных явлений? «Стоит сделать что-либо один раз, как ты уже приобрел опыт, — начал Андрей Битов «Грузинский альбом», — стоит приобрести опыт, как он тут же окажется неупотребимым, зато тебя призовут если не специалисты, то в свидетели <...> стоит сказать “раз”, потребуется считать до трех. Опыт приходит как бы сам по себе, а за знанием нужно гоняться» [4]. Так ли это?

Как соотносятся опыт-как-приобретение и опыт-как-утрата, когда они в качестве одного инкриминированы сознанию, будто нечто приращенное прошлому опыту? В каждом ли случае опыт-как-утрата и опыт-как-приобретение есть некое приращение, то, что стало быть в моем сознании? Не является ли «утраченный опыт» (как опыт может быть утрачен, если он уже налично вдавлен в сознание?) отчуждением чувственного в интеллектуальное, и наоборот? Не является ли наличное знание в известной степени «лишним знанием» по отношению к сознанию, состоявшемуся в качестве множественной способности рефлексии? Скажем, чтение хайдеггеровских текстов не означает, что человек больше не должен без оглядки на опыт этого чтения рассуждать о бытии и времени; знакомство с идеями Кьеркегора не гарантирует человеку зарок от отчаяния.

Опыт знания, протиснутый сквозь чувственное восприятие, неким образом является интеллектуальным вчувствованием в предмет, как-если-бы он уже был мною каузально и логически познан. Когда эстетический опыт приобретает форму, когда становится «моим опытом», он утрачивает качества назидательности. Обратный прорыв своего оправдания он может сыскивать только сквозь самое эстетическое, которое уже-не-формируется в качестве опыта, но предстоит как новая познавательная задача.

Нетрудно обратить внимание, что художественный опыт, как и всякий, основанный на восприятии и переживании, пассивен. Он — заложник объекта. (Впрочем, без активности познающего субъекта невозможна и его пассивность.) Двоичное сочетание одного и другого есть очередной залог возможности постижения. Причем, если первый первичен, второй не только вторичен, но окончателен. Человека оккупируют его собственные рефлексии, человек выходит «в пассив», оказываясь со всей своей импульсивно-эстетической активностью на запасных путях логического движения. Более того, именно человеческая активность в этом массиве «пассива», лицедействуя как опыт, оказывается отрицательной, и эстетическая оценка такого моего опыта — утрата, потеря активного начала в его пассивном завершении. В этом отрицательная сторона «развертывания» феномена опыта. Но отрицательность — как ценная, катафатическая величина.

Как же чувство мысли перерастает, перестраивается в содержание опыта, как это чувство оказывается замершим опытом, для которого его жизнь — прошлое? Вопросание внутреннего эстетического опыта (он никогда не может быть «чужим опытом» вопреки предрассудку) об опыте — задача, по большому счету, некорректная. Опыт впадает в отчаяние, будучи не в силах говорить за себя. И там, в отчаянии, он мечется, мнится самому себе, там, в отчаянии, с опытом происходят удивительные для «отчуждившего» его сознания метаморфозы: он опытным же путем навязан человеку как утрата. Опыт-как-утрата — возвращение себе себя, дарение себя непосредственного, и самый акт утраты как нечто завершенное в развитии выступает осознаваемостью, то есть новым опытом новой же утраты. Опыт более не «построенная природа» (Шеллинг) и не кантовский мир опыта (гримаса сознания, наблюдаемая изнутри). Опыт-как-утрата в художественном ракурсе понимается как активное забвение собственно эстетического (а не эмпирического, что и составляет предмет опыта)

в произведении искусства, с оккупацией, засильем этого места последующим жестикулятивно-функциональным обретением сознания.

При эстетическом переживании сознание попросту не оказывает столь ожидаемого сопротивления. Более того, оно даже не может вообразить его неким подлинным, предварительно не подкрепившись осознанием того принципа соответствия, при помощи которого к сознанию может быть присовокуплено терпение эстетического переживания, производимого (как своеобразное духовное производство) чувством. В этом случае, очевидно, опыт не может быть внешним, он только способен быть апперцептированным, и непосредственность его оказывается фактором эстетического сознания на расстоянии зрительной памяти.

Пытаясь вывести из эстетического опыта специфику эстетического, мы, во-первых, наталкиваемся на невозможность формулировки, так как в самом нашем «опыте об опыте» оказывается невозможным выйти из сфер опыта и, во-вторых, даже если этот побег совершить удастся, возникает сомнение, застанем ли мы «по возвращении» то самое эстетическое, которое столь усидчиво пытались вербализовать в первородстве нашего переживания, или же это будет новый образ его представления?

Если, с одной стороны, опыт может быть воспринят как нечто отрицательное, острое, колкое по отношению к трепетным, нежным и чувствительным тканям нашего утонченного чувства, как элиминированное из некоторой всеобщности «потенциального опыта», то, с другой стороны (и только таким грандиозным категориям, как «опыт» это присуще), он наполняется причисленным смыслом, погребая собою же эту отчужденную от него вне-опытную сферу. Впрочем, здесь щиплет напряженностью парадокс: вне-опытная сфера, сфера-еще-предстоящая-моему-опыту, постигается опять-таки опытным путем, путем «эмпирическим», с той или иной степенью ее чувственной достоверности. Такой опыт отчуждается уже от своего собственно эстетического.

С точки зрения логики, опыт, не являющийся некоторым приращением, не может именоваться опытом, но с чувственной точки зрения (скажем, опыт выслушивания симфонии Брукнера) именно эстетический опыт — его наиболее чистая поросль. Приобретенность или утраченность — качества, тоже внешние по отношению к содержанию опыта.

Приобретение-утрата опыта — своего рода театральное, сценарно повто-

ряемое событие. Можно ли сказать, что такой акт выступает из сферы собственно эстетического в сферу нашей внезапной внеэстетической способности сознания? В этом есть известный артистизм: субъект агрессии опыта может выступить всего лишь как очередной исполнитель.

Опыт искусства как исторический — опыт отчуждения опыта. Он осуществляется путем моей активной эстетизации истории искусства, разгребание «культурного архива» (Б. Гройс). В сознании оказывается только та история, в которой утрачены ее деятельностные предикаты как «исторической истории», как истории происшедшего, и остается история искусства, чистая как собственно эстетическое. Но опыт и есть означенное сознанием эстетическое. Именно таким образом и возможно выживание эстетического не только как собственного, присущего моему сознанию, но и выживания из ума неким осознанным качеством, суммирующим мистический мир некоей условной эстетической реальности. В этом случае реальность становится наружным предметом убеждения. А суждение может квалифицироваться как сознание принуждения, производимого представляемыми объектами на процесс представления (Т. Липс). Более того, по свершении мгновенного акта познания, то есть когда факт чувственного апперцептирован, нам более знакомым становится наш аппарат этого чувственного сновидения, «субъект познания». Новое знание входит в состав прежнего знания, и знание обновляется целокупно. Таким образом, всякое суждение необходимо включает в себе сознание бытия объекта, с одной стороны (по В. Виндельбанду), в его отношении к акту суждения и, с другой (по Г. Риккерт) — не ограничиваемое этим условием. Эстетическое же тогда становится интеллектуальным продуктом, когда кантовский внутренний и внешний опыт — утрата один для другого.

Не всякий внешне свершившийся факт становится пригодным для его инстаурации в качестве библиотечной карточки «опыт»; не всякое событие поучительно. И только то, что мы вознамерим собственной волей «к приему», «на подпись», только то и может быть опытом, созданным мною в моих категориях и оживленным моим интересом. Эстетическое созерцание, в предельной диалектической форме, как показал А. Ф. Лосев, являющееся самосознанием, и есть «ставшее объективным интеллектуальное созерцание».

Иными словами, акцент на категории опыта-как-утраты оправдан. Утрата «чистоты отчаяния» (Лев Шестов) все равно понимается как опыт положи-

тельный и, более того, — как чистый, не окрашенный разумом. Чувственный опыт, то, о чем можно говорить в категориях классической эстетики, всегда пребывает (!) человеку в качестве его приобретения, снятого сознанием. Процесс познания опыта как утраты или как приобретения внешний самому достоянию опыта и оценивается в символах «вклада в сознание». То есть опыт как «опыт-своего-одиночества» инороден сознанию, и только с запаздыванием может быть пресуществлен ему. Но и такое пресуществление может быть оформлено не только как явление апофатическое, как наполнение посредством вытеснения, лишения, чего-то, что было прежде, но и как нечто положительное, отрешающее наполняемое от неизведанного.

Аттракционизм эстетического опыта состоит в том, что человеку дано моделировать его формы своим сознанием («входить вместо дикого зверя в клетку...»), усердием фантазирования, причем совершенно не заботясь о подлинности «состава». Однако мистический, несуществующий опыт, опыт, не сформировавший себя внешним наблюдением, и все же «опыт», — особая тема. И настоящий опыт, вновь приходя в сознание, изобличает себя своим эстетическим образом, который становится образом художественным, фиксированным, возможным к передаче другим. Такой возвращенный сознанию архитектурно косный опыт эстетически развеществляется и становится почти тактильным (осязательным) как неизбежная одышка распоясавшей историческое пространство художественной функции его произведений.

1. Лосский Н. О. Избранное. — М., 1991. — С. 102.
2. Локк Дж. Соч.: В 3 т. — М., 1986. — Т. 1. — С. 154.
3. Лосский Н. О. Избранное. — С. 228.
4. Битов А. Г. Империя в четырех измерениях: [В 4 т.] — Х.; М., 1996. — Т. 3: Кавказский пленник. — С. 189.

Анотація. Розглядається умоглядне припущення, що естетичний досвід, відрефлектований людиною як особистий досвід, тобто перенесений зі сфери почуття в область свідомості, втрачає якості почуття і здобуває якості форми свідомості, для якої (свідомості) почуття — лише спогад і пригадування. Якщо стосовно життєвого досвіду це твердження може здатися недійсним, стосовно досвіду естетичного воно має якості не переживання, але знання про щось, що спочатку було позаприсутнім свідомості, а потім нале-

жить їй як необхідна форма її свідомості. Естетичний досвід є свідченням втрати людиною безпосередності почуття і здобуття нею позитивного знання щодо художньої речі (твори мистецтва, архітектури, літератури). Складений із почуттєвих втрат, естетичний досвід постає свідомості необхідну міру та створює основу для її світобачення й світоглядних настанов, яка (міра) завдається не інакше, ніж шляхом забуття почуттєвого переживання. Діалектичний симетризм досвіду-як-втрати і досвіду-як-набуття становить основу формування естетичної свідомості, виступаючи необхідною передумовою розвитку «інструментів» для гармонійного уявлення про світ та речі.

Ключові слова: знання, почуття, переживання, естетичне, художнє, естетичний досвід, твори мистецтва.

Аннотация. Рассматривается умозрительное допущение, что эстетический опыт, отрефлектированный человеком в качестве личного опыта, то есть перенесенный из сферы чувства в область сознания, утрачивает качества чувства и приобретает качества формы сознания, для которого чувство — только воспоминание и припоминание. Если в отношении жизненного опыта это утверждение может оказаться недействительным, в отношении опыта эстетического оно обладает качествами не переживания, но знания о чем-то, что поначалу внеположно сознанию, а затем довлеет ему как необходимая форма его существования. Эстетический опыт есть свидетельство утраты человеком непосредственности чувства и обретения им положительного знания о художественной вещи (произведения искусства, архитектуры, литературы). Состоящий из чувственных утрат, эстетический опыт сообщает сознанию необходимую меру и создает основание для его мироотношения и мировоззренческих установок, которая задается не иначе, как путем забвения чувственного переживания. Диалектический симметризм опыта-как-утраты и опыта-как-приобретения составляет основу формирования эстетического сознания, оказываясь необходимой предпосылкой развития «инструментов» для гармонического представления о мире и вещах.

Ключевые слова: знание, чувство, переживание, эстетическое, художественное, эстетический опыт, произведения искусства.

Summary. The article focuses on a conceptual assumption that aesthetic experience, reflected as a personal experience (transferred from the domain of feeling into the domain of consciousness), loses the qualities of feeling and gains qualities of a form of consciousness that interprets feeling simply as a recollection and reminiscence. This statement may not be

valid relative to life experience, nevertheless relative to aesthetic experience it maintains the qualities not of a feeling but of a knowledge of something, first introduced from somewhere out of consciousness and then prevailing as a necessary form of being. Aesthetic experience is an evidence of losing the spontaneity of feeling and acquiring of positive knowledge about artistic piece (work of art, architecture or literature). Aesthetic experience, consisting of sensory loses, imparts consciousness a necessary limit and constitutes a foundation for its world-view and world outlook guidelines that are set upon by oblivion of sensory experience. Dialectical symmetry of experience-as-a-loss and experience-as-an-acquisition establishes a new basis for aesthetic consciousness forming, being a necessary premise of developing «instruments» for harmonious view on world and things.

Keywords: knowledge, feeling, experience, aesthetic, artistic, aesthetic experience, artwork.